

Харьковские губ. ведомости.

1898. 22 сентября. № 242.

С. 2.

Из мотивов текущей литературы.

X.

Второй рассказ А. Чехова носит заглавие „Любовь“. На этот раз его ведет сам хозяин Алексин. Поводом к рассказу послужила несколько странная, не поддающаяся объяснению любовь прислуги Алексина Пелагеи, страстно любившей повара, человека безупречного, пышущего, часто бившего ее Пелагею, сама сознавала недостатки повара, считала его недостойным для законного брака, и потому находила возможным жить с ним лишь в незаконной связи.

Эта странная любовь навела себялюбивков на общее размышление о любви. И вот Алексин рассказывает подходящий к данному случаю эпизод из своей жизни.

Она когда-то была вхожа в дом прокурора Дугановича. У хозяина дома, уже немолодого человека, была молоденькая, в высшей степени симпатичная жена. Алексин сразу почувствовал к ней влечение. Визитом угадывал родственность ее души своей. Знакомство Алексина с домом Дугановичей продолжалось довольно долго, и за все это время тайные любовные друг друга молодые люди ни разу не сдвинули открытого намека на свою любовь. Они желали понимать друг друга, угадывали мысли и чувства друг друга, но в то же время своими поступками старались противоречить один другому. В присутствии гостей Анна Алексеевна нарочно спорила с Алексиним, хотя и сама сознавала свою неправоту. То же самое делал и он по отношению к любимой женщине.

И это явление неминуемое, не представлять собою чего-нибудь исключительного а самое обыкновенное в нашей жизни, так как случаи, подобно рассказанному, нередки в ней. Да Антон Чехов иначе и не рассказывал бы о нем, так как этот автор всегда искренно в своих произведениях.

Где же причина подобных явлений? На наш взгляд, — в общей болячке конца века — в жизни, ненормальных отношениях между членами нашего общества: нередко и по поводу многих вещей приходится задавать вопрос, как ставил себя Алексин: „Я был несчастлив, — рассказывает он. — И дома, и в полѣ, в сараѣ я думалъ о ней, я старался понять тайну молодого, красивой, умной женщины, которая выходитъ за неинтереснаго человека, почти за старика (мужу было больше сорока лѣтъ), жить отъ него дѣтей, — понять тайну этого неинтереснаго человека, добряка, простака, который разсуждаетъ съ такимъ случайнымъ здравомысліемъ, на балахъ и вечеринкахъ держится около солидныхъ людей, влиятельныхъ, съ покорнымъ, безучастнымъ выраженіемъ. точно его привели сюда продавать, который вѣрить, однако, въ свое право быть счастливымъ, жить отъ нея дѣтей; а я все старался понять, почему она встрѣтилась именно ему, а не мнѣ, и для чего

это нужно было, чтобы въ нашей жизни произошла такая ужасная ошибка“.

А ошибокъ такихъ не мало на нашемъ тернистомъ пути. Мы такъ захвачены жизнью, ее исторически сложившимися ошибками, что эти последние не вызываютъ въ насъ протеста; мы слишкомъ пассивны, чтобы дать отпоръ несправедливостямъ истории. Современный человекъ живетъ почти одними умомъ, а слухомъ и сердцемъ голосомъ чувства. Это послѣднее заглохло въ немъ подъ давленіемъ безпокойнаго ума, ищущаго разрѣшенія вопросовъ, цѣлыми волнами надвигающихся на него. Огнѣмъ на эти вопросы онъ ищетъ въ прежнихъ ошибкахъ, и такимъ образомъ всегда бываетъ связанъ предвѣстующимъ.

„Ассоціація идей“ — вотъ это, отъ котораго болѣе всего страдаетъ современный человекъ. Правда, это законъ, на которомъ зиждется вся наша умственная жизнь, являющаяся вѣчнымъ поискомъ, какъ непрерывный рядъ

мыслей, связанныхъ между собою логическими образами. У человека нѣтъ власти вознѣсть такой законъ; да, собственно говоря, онъ самъ по себѣ не знаетъ чего-нибудь, вѣщающаго благоденствію человека, если же мы называли, несколькими строками выше, „ассоціацію идей“ злою, то лишь потому, что это явленіе въ наше время является слишкомъ близкимъ. Вѣдь въ томъ, что въ нашемъ сознаниіи идеи появляются безъ, такъ называемаго „чувственнаго отбѣска“. При расшатанности нервной системы, у человека конца XIX вѣка до крайности ослаблены „задерживающіе центры“. Наши мысли, не сдерживаемыя этими центрами, не имеютъ возможности окрашиваться чувствами. А какъ ни говори, — чувство играетъ громадную роль въ душевной жизни: оно даетъ непосредственную оцѣнку поступкамъ человека, оно систематизируетъ наши мысли, сообщаетъ той или другой совокупности мыслей, или идей, силу убѣжденія. Характернымъ признакомъ нашего времени является, именно, ослабленіе функций чувства, крайнее преобладаніе разсудочной дѣятельности надъ эмоціональною, т. е. чувственною. Мы только тогда даемъ волю чувству, когда насъ побуждаютъ къ тому какія-нибудь особенныя внѣшнія обстоятельства.

Сколько же было въ жизни Дугановичей! И съ этимъ ложью супруги жили и, можетъ быть, прожили бы всю жизнь, не замѣчая, что они не пара другъ другу. Но вотъ явился въ ихъ домъ Алексинъ, обстоятельства измѣнились, хотя ложь не исчезаетъ и даже удваивается. Не говоря уже о жизни семейной жизни, — въ отношеніяхъ Анны Петровны къ Алексину съ самаго начала установилась ложь. Почему, спрашивается, они скрывали свою симпатію другъ къ другу? Развѣ потому, что съ благоговѣніемъ относились къ святости брака, или болѣе нарушить семейный покой самого Дугановича? Совсѣмъ нѣтъ! Если бы это было такъ, думается, что тотъ изъ дру-

Харьковские губ. ведомости.

1898. 22 сентября. №242.

С. 2.

той из них нашел бы столько сил, чтобы порвать великую связь, порвать знакомство. Нѣтъ, причина не въ этомъ. Они страдаютъ общою болѣзнию времени—подавленностью чувствъ: оно боится вырваться наружу, не выйти къ этому свободному выходу. Только принудительная сила, впрочемъ, отъзвѣдъ Анны Алексѣевны, освобождаетъ его отъ прѣлканъ оковъ. И Алексѣй, равно какъ и Анна Лугановичъ, подчиняясь его власти, открываютъ другъ другу свои души, со сле-

зани каюсь въ той лжи, которую они сами породили между собою.

Пройдетъ ли переѣвна въ семейной жизни Лугановичей послѣ этого,—сказать трудно. Можетъ быть, голосъ чувства, проснувшись въ Аннѣ Алексѣевнѣ, заставитъ ее открыть музу всю ложь въ ихъ отношеніяхъ, а можетъ быть—оно снова забьется въ отдаленный уголокъ душевнаго лабиринта и потечетъ жизнь Лугановичей по той-же ложной дорогѣ, по какой текла до настоящаго времени.

М. С.